

О. В. Корчагин

Корчагин Олег Викторович, исследователь, Санкт-Петербург.
E-mail: oleg7169@yandex.ru

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА (1920-Е ГГ.)

В статье рассматривается история ленинградского филиала Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в контексте национальной политики советского государства. Статья охватывает начальный период существования ленинградского отделения КУНМЗ – с момента основания филиала в сентябре 1922 г. и до конца 1920-х гг. Затрагиваются такие темы, как преподавательский и студенческий состав вуза, особенности учебной программы университета, материально-бытовые условия жизни студентов. Автор делает попытку раскрыть тему данной статьи с позиций социальной истории. В работе используются архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Ключевые слова: коренизация, национальное меньшинство, политические эмигранты, КУНМЗ, Токой

Korchagin Oleg Viktorovich, researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation.
E-mail: oleg7169@yandex.ru

LENINGRAD DEPARTMENT OF THE COMMUNIST UNIVERSITY OF THE NATIONAL MINORITIES OF THE WEST (1920S)

In the article the history of the Leningrad department of the Communist University of the National Minorities of the West (KUNMZ) in the context of the Soviet national policy is explored. The article covers the initial period of the existence of the Leningrad department of KUNMZ – from the moment of the establishment of the department in September 1922 until the end of 1920s. Such topics as teaching staff and students of the university, features of the university curriculum, and everyday living conditions of students are touched upon. The author makes an attempt to reveal the topic of this article in terms of the social history. In the work the archival documents that were not previously included into scientific circulation are used.

Keywords: indigenization, national minority, political emigres, KUNMZ, Toko

Революционные события 1917 года в России привели к изменению линии поведения государства по отношению к многочисленному нерусскому населению, проживающему на территории страны. Во время Гражданской войны национализм показал свой мощный центробежный потенциал, и перед большевиками остро встала проблема сохранения территориальной целостности бывшей Российской империи. Они постарались извлечь уроки из ошибок прошлого, и имперской долговремен-

ной стратегии русификации¹ пришла на смену советская политика коренизации. Чтобы изжить недоверие (или прямую враждебность) других национальностей по отношению к великороссам, власть пошла на определенные уступки. Титульные нации на своей территории получили пропорциональное представительство в административном и партийном аппаратах, а официальным языком общения, делопроизводства и образования по возможности становился местный язык. Однако, необходимо подчеркнуть, что в планы большевиков не входило сохранять традиционные религиозные или правовые основы общественного устройства, существовавшие на национальных территориях. Культура поддерживалась в её «этнографических» формах (фольклор, национальная одежда и кухня, музеи быта и т.п.). Суть политики коренизации заключалась, скорее, «в выделении из коренного этнического элемента таких, условно говоря, элитарных прослоек, как национальные интеллигенция и бюрократия»². Предполагалось, что новая политическая элита обеспечит поддержку нерусскими национальностями социалистической программы советской власти. Решить подобную задачу без организации специальных высших учебных заведений было нельзя.

На территории Советского Союза проживали крупные диаспоры, представлявшие европейские народы, имевшие собственное государство в капиталистическом мире (немцы, поляки, финны, латыши, литовцы, эстонцы и т.д.). Им отводилось особое место в государственной национальной политике. В Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), созданном в Москве в ноябре 1921 г., готовили не только новую национальную политическую элиту, перед которой ставилась задача обеспечить поддержку нацменьшинствами³ советской власти внутри страны, но и кадры, необходимые для осуществления дальнейшей экспансии коммунистической идеологии. Однако для последней цели больше подходили политические эмигранты, бежавшие в

¹Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. №2. С. 146–147.

²Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного населения Крыма: в 4 т. Т. 3. С. 420 – 421.

³В советском законодательстве рассматриваемого периода не было четкого определения понятия «нацменьшинство». Работниками центральных органов власти под этим понятием подразумевалось, как правило, некоренное население национальных республик или областей. Например, в РСФСР это финны, эстонцы, литовцы и т.д. См.: Деннингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 54–58.

своё время в Советскую Россию (в основном из стран-лимитрофов). Они были лучше знакомы с обстановкой на родине, многие имели опыт подпольной революционной работы.

Ленинград стал крупнейшей «кузницей кадров» для национальных меньшинств северо-запада страны. Здесь в середине 1920-х гг. начали работать национальные отделения при Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена (немецкое, польское, финское, эстонское, латышское, народов Севера) и рабфаки при Ленинградском государственном университете (еврейский, финский, эстонский, латышский, северных народов)⁴. Однако фактически создание высшей школы для нацменьшинств началось с появления в Петрограде в 1922 г. филиала КУНМЗ.

Говоря об историографии вопроса, необходимо отметить, что отдельных изданий, всесторонне освещающих историю филиала Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в Петрограде-Ленинграде, пока не создано. Из общих работ, позволяющих получить представление о деятельности партийных учебных заведений в период НЭПа, следует выделить монографию Л.С. Леоновой «Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.)», опубликованную в 1972 г. В ряде статей Е.В. Панина рассматривается история создания советских интернациональных высших учебных заведений – Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК)⁵. Автором анализируются причины и предпосылки их появления, отличительные особенности внутренней

⁴*Смирнова Т.М.* Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда-Ленинграда в 1917-1938 годах // Русская культура вне границ. Вып.3. М., 1996. С. 37.

⁵*Панин Е.В., Харламова Т.И.* Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). С. 153–155; *Панин Е. В.* Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920-1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. №3. С. 165–168; *Панин Е.В.* Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2013. №2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/332> (дата обращения: 15.02.2019).

структуры, учебного процесса, производственной практики, преподавательского и студенческого состава. Кроме того, Панин уделяет внимание вопросам материально-бытовых условий жизни студенчества данных высших учебных заведений. Однако архивные и иные материалы о ЛОКУНМЗ, которыми пользуется автор, в основном относятся к головному вузу, который находился в Москве.

Статью о собственно Ленинградском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада опубликовала Т.М. Смирнова⁶. В ней по поводу начального периода существования ЛОКУНМЗ, который нас особенно интересует, Смирнова ограничивается замечанием, что он получил «определенное освещение в литературе», ссылаясь на статьи в журналах и сборниках, вышедших в 1920 – 1930 гг., то есть практически на синхронные событиям публикации, а не исторические исследования⁷. В монографии Т.М. Смирновой «Национальность – питерские» (2002) автор в отдельном небольшом параграфе, опираясь в числе прочего на документы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), более подробно рассматривает историю ЛОКУНМЗ в контексте национальной политики советского государства. Смирнова приводит любопытные данные о количестве студентов, размере стипендий, об учебных дисциплинах и выделяемых на них академических часах (в основном все эти материалы касаются 1930-х гг.). Однако в обоих случаях повествование страдает от некоторой обезличенности, повседневная жизнь студентов ЛОКУНМЗ, к сожалению, остается за кадром.

Источниковой базой данного исследования стали документы из фондов ЦГАИПД СПб (бывший Партийный архив), ранее не вводившиеся в научный оборот. В отчетах о деятельности университета, направляемых руководством ЛОКУНМЗ в подотдел нацменьшинств Северо-западного областного бюро ЦК РКП (б), а также в протоколах заседаний коллектива и Бюро коллектива РКП (б) университета можно найти материалы, позволяющие раскрыть тему данной статьи с позиций социальной истории. Согласимся с историком С.В. Журавлевым в том, что «в конечном итоге

⁶Смирнова Т.М. Из истории ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) // История вузов России. СПб., 1997. С. 106–109.

⁷Там же. С. 106.

самым главным государственным секретом являлась именно советская социальная история»⁸.

Как и при создании головного университета в Москве, филиал КУНМЗ в Петрограде был образован путём слияния уже существовавших на тот момент в городе высших партийных школ – финской, эстонской и второй латышской, составивших теперь три университетских сектора. Открытие петроградского филиала КУНМЗ состоялось 18 сентября 1922 г., он разместился в доме №17 по улице Ракова (Итальянской). Однако уже в 1923 г. латышский сектор перевели в Москву⁹.

Государство при создании КУНМЗ, университета нового типа, столкнулось с объективными проблемами. Прописанное в уставе университета условие о построении преподавания на родных языках слушателей являлось одним из основополагающих¹⁰. Но для претворения его в жизнь ещё не было квалифицированных национальных преподавательских кадров, как и необходимого количества абитуриентов, достаточно подготовленных для поступления в это высшее учебное заведение. Поэтому на первых порах требования к поступающим были не слишком высокими. В КУНМЗ принимали даже беспартийных, имевших рекомендации от партийных организаций. Некоторые секции университета, в том числе финская и эстонская секции ЛОКУНМЗ, имели основной (трехгодичный) и годичный курсы обучения. На трехгодичный курс университета зачислялись лица, достигшие 18 лет, хорошо владеющие русским и родным языком, имеющие подготовку не ниже совпартшколы второй ступени¹¹.

Как верно отметила Л.С. Леонова, определение количественного состава студентов и преподавателей коммунистических университетов вызывает большие трудности, что обусловлено первоначальной организационной слабостью этих учебных заведений, а также частой мобилизацией студентов на выполнение очередных партийных заданий¹². В

⁸Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 13.

⁹Смирнова Т. М. Национальность – питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб.: «Сударыня», 2002. С. 208.

¹⁰Панин Е.В., Харламова Т.И. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. С. 154.

¹¹Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. (1921-1925 гг.). М., 1972. С. 43.

¹²Там же. С. 9.

статье М.Я. Фрумкиной, на тот момент проректора КУНМЗ, приведены данные о количестве студентов на 15 октября 1922 г., согласно которым в эстонском секторе петроградского отделения насчитывалось 188 чел., в финском секторе 149 чел., в латышском 101 чел., всего – 438 чел.¹³ В кратком отчёте о деятельности петроградского отделения за январь 1923 г. приведены следующие данные: всего студентов 455 чел., педагогического персонала – 67 чел.¹⁴В дальнейшем количество набираемых на первый курс студентов постепенно сокращалось. Это объясняется тем, что в первое время большинство поступающих составляли политэмигранты из Финляндии и Эстонии. Тем не менее, не могут не вызвать удивления данные из юбилейного сборника ЛОКУНМЗ о количестве студентов первого набора, окончивших полный университетский курс – всего 49 чел. К пятилетнему юбилею петроградского отделения, по данным этого же сборника, полный курс финсектора окончили 127 чел., эстсектора – 56 чел.¹⁵Таким образом, можно говорить о большом отсеке студентов из университета, причины которого мы попытаемся, в числе прочего, выявить в данной статье.

Согласно протоколу закрытого партийного собрания коллектива РКП (б) ЛОКУНМЗ от 31 октября 1924 г., из 303 ч. студентов мужчин было 240 ч., женщин – 63 ч. Из них по социальному происхождению рабочие составляли 70%, крестьяне 26%, прочие – 4%¹⁶. Можно предположить, что вместе со снижением в составе студентов процента политических эмигрантов во второй половине 1920-х гг., среди них выросла доля выходцев из крестьян. К концу 1920-х гг. уже более трети из обучающихся в ЛОКУНМЗ студентов были родом из России¹⁷. При этом сельскохозяйственный труд являлся основным занятием большей части финского и эстонского населения северо-запада страны.

Студенты ЛОКУНМЗ в начальный период существования университета были объединены в Трудовую коммуны, предназначение которой заключалось в регулировании внутренней жизни университетского

¹³Фрумкина М. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада // Жизнь национальностей. 1923. Кн. 1. Янв. С. 258.

¹⁴ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 3.

¹⁵Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). Л., 1927. С. 17, 19.

¹⁶ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹⁷Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. S. 62.

сообщества. Трудовая коммуна имела свои представительные органы, которые занимались продовольственными, хозяйственными вопросами, организацией медицинской помощи и иными задачами. Кроме того, Трудовой коммуна следила за партийной, товарищеской и учебной дисциплиной¹⁸.

Правление Трудовой коммуны осуществляло свою деятельность через соответствующие комиссии: административную (занималась назначением трудовых нарядов, распределением комнат в общежитиях), сан-физкультуры (следила за соблюдением чистоты в общежитиях, посещаемостью студентами бани), продовольственную (участвовала в организации снабжения студентов). Кроме того, отдельными органами Трудовой коммуны являлись Касса взаимопомощи, оказывавшая помощь больным и нуждающимся студентам, и Товарищеский суд. Согласно краткому отчету о деятельности университета за март 1924 г., Товарищеский суд к тому времени стал «вполне авторитетным органом и оказывает гораздо более влияния, чем административные меры»¹⁹. На суд чаще всего выносились случаи уклонения от учебных занятий и общественных работ. Отметим, что различные общественные работы (колка дров, уборка снега, работа на кухне и т.д.) в начале 1920-х гг. были широко распространены, так как на поддержание нормальной работы университета просто не хватало средств.

В юбилейном сборнике ЛОКУНМЗ есть данные о продовольственном пайке студента в первом, 1922/23 учебном году. По этим данным, в месячный паек входило 60 ф. муки, 15 ф. гречневой или ячневой крупы, 20 ф. мяса (или рыбы), 4 ф. растительных жиров и 3 ф. сахара. Хотя паек и считался усиленным, качество этих продуктов оставляло желать лучшего²⁰. Согласно архивным источникам, в январе 1923 г. продовольственное снабжение студентов серьезно ухудшилось, норма мяса была уменьшена до 11,5 ф., вместо 4 ф. топленого масла стали выдавать 2,5 ф. льняного²¹. При этом, из февральского доклада контрольно-хозяйственной комиссии университета следует, что на продовольственном складе обнаружена недостача 6 пудов и 30 фунтов хлеба, что, по словам заведующего административно-хозяйственной частью Валлина, «отчасти

¹⁸Ibid. S. 69.

¹⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 14 об.

²⁰Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а. С. 15.

²¹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 4.

объясняется усущкой»²². Ухудшение питания не замедлило сказаться на здоровье студентов: «Вид студентов бледный, осунувшийся и крайне резкая возбудимость. Этому следующие причины: резкое ухудшение питания студентов, не легкая нагрузка учебной работой. У многих студентов здоровье было подорвано уже тяжелыми условиями работы в провинции, в подполье и на фронтах»²³. Лишь в октябре 1923 г. снабжение натурой отменили. Взамен продовольственного пайка университету на питание студентов стали отпускать деньги из расчета 10 руб. на студента в месяц, что позволило несколько разнообразить пищу²⁴.

Не лучше обстояли дела с материальным снабжением студентов. Даже в 1925 г. университет не мог обеспечить учащихся одеждой и обувью, что для людей, которые прибывали на учебу прямо из Красной Армии или подполья, было жизненно важно. Многие студенты имели только по одной паре нательного белья²⁵. Особенно тяжело жилось семейным студентам, которым не полагалось место в общежитии. Им приходилось самостоятельно снимать квартиру, поэтому многие семейные студенты бросали учебу из-за материальной необеспеченности²⁶.

Общежитие, учебные классы и администрация ЛОКУНМЗ находились под одной крышей, в главном здании на улице Ракова (Итальянской), 17. Студенты размещались по 2-3, иногда по 3-4 чел. в комнате. В целях борьбы с национальной обособленностью, финнов и эстонцев селили в комнатах вместе. Второе здание университета находилось на улице Толмачева (Караванной), 26. В нём располагались актовый зал, а также общежитие для некоторых семейных студентов и сотрудников. Этот дом, согласно отчету о деятельности Хозчасти ЛОКУНМЗ за второй триместр 1923/24 учебного года, находился в плохом состоянии, так как «о полном необходимом в нём ремонте, ввиду бездоходности его, и за неизменением средств, не может быть и речи»²⁷.

Плохое питание и условия жизни вызывали у студентов частые заболевания. В отчетах постоянно фигурируют бронхит, заболевания нервной системы, малокровие. В ЛОКУНМЗ была своя амбулатория и зубо-врачебный кабинет, но для получения какой-нибудь пустяковой мази боль-

²²ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 об.

²³ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 6 об.

²⁴Валлин Г. Пять лет ЛОКУНМЗ'а. С. 16.

²⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 10–10 об.

²⁶Там же. Л. 11.

²⁷ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 25 об.

ному студенту приходилось тратить 1-2 дня на то, чтобы взять рецепт в коммунальной больнице²⁸. Руководство университета, обосновывая необходимость возобновления в 1925 г. посылки студентов на санаторно-курортное лечение, писало в Организационный отдел Северо-западного областного бюро ЦК РКП (б): «Очень большой процент поступивших в Университет, уже до этого живя в условиях подполья, физически изнасились, а также 4-х летнее пребывание в Университете не осталось без последствий и теперь, до отправки на практическую работу, необходимо оканчивающих предварительно отправить на лечение»²⁹.

В основу трехгодичного курса КУНМЗ была положена программа Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова (с некоторыми изменениями и сокращениями)³⁰. Учебный план КУНМЗ 1922 г. включал такие предметы, как родной язык и литература, история края (народа), история рабочего движения края (народа), экономическая география края, государственный и общественный строй и политические группировки края, русский язык³¹. Петроградское отделение, безусловно, старалось ориентироваться на учебный план головного вуза, но до 1924 г. учебный план ЛОКУНМЗ представлял собой скорее сборную солянку из создававшихся вне всякой связи друг с другом учебных программ финской и эстонской совпартшкол. В учебном плане ЛОКУНМЗ сохранялся акцент на общеобразовательные дисциплины, такие как математика, физика, химия. С 1925/26 учебного года началось систематическое уплотнение общеобразовательного цикла в пользу общественных дисциплин³².

К 1927 г. учебный план основного курса ЛОКУНМЗ имел следующую структуру. На первом курсе программа обучения включала в себя такие предметы, как экономическая география, история развития общественных форм, история ВКП (б), химия, физика, физическая география, природоведение. На втором курсе студенты проходили политэкономии, историю России, историю Запада, историю ВКП (б), основы военной подготовки и биологию. На третьем курсе изучалась история Востока, экономическая политика, партстроительство, основы ленинизма, истори-

²⁸ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11.

²⁹Там же. Л. 10 об.

³⁰Фрумкина М. Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. С. 259.

³¹Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 56.

³²Аллерман С. Учебно-методическая работа в Локунмз'е // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). С. 23.

ческий материализм, советское право, основы журналистики. Русский язык и гимнастика были включены в учебную программу на протяжении всего периода обучения³³.

В конце 1924/25 учебного года в ЛОКУНМЗ началось внедрение в образовательный процесс «дальтон-плана» (или бригадно-лабораторного метода). «Дальтон-план» был разработан американскими педагогами Еленой Паркхерст и Уильямом Килпатриком в начале XX века. Этот метод преподавания заключается в том, что учащиеся, объединенные в команды, самостоятельно работают над «проектами» (конкретными заданиями, связанными с учебным материалом), а преподаватель лишь консультирует их в случае возникновения трудностей. При этом объем теоретического материала значительно сужен. «Дальтон-план» предполагает сочетание коллективной и индивидуальной работы, наличие четких сроков сдачи «проектов»³⁴. Для осуществления на практике этого метода требовались хорошо оборудованные лаборатории, богатая библиотека, подготовленные преподаватели – не удивительно, что введение «дальтон-плана» в ЛОКУНМЗ вызвало большие трудности.

Жарким дискуссиям о лабораторном методе посвящена значительная часть статей в журнале студентов московского отделения КУНМЗ «Красный западник». Можно с уверенностью предположить, что у московских и ленинградских студентов возникали схожие проблемы. Студентов в американском методе, используемом на русской почве, не устраивали: отсутствие свободных аудиторий для лабораторных и индивидуальных занятий; нехватка свободного времени для подготовки заданий; эпизодичность контактов с преподавателями; отсутствие необходимой литературы не только на родном, но и на русском языке; хаотично составленное расписание. Любопытно, что согласно отчету за второй триместр 1924/25 учебного года, в ЛОКУНМЗ за весь первый триместр зарегистрировано «перворазных нервно-больных» 21 случай, а во втором триместре, с переходом на лабораторный метод, с конца января по апрель 1925 г. – уже 48 случаев³⁵.

В «Красном западнике» можно прочитать ответы администрации КУНМЗ на критику «дальтон-плана» студентами. Например, М.Я. Фрумкина, комментируя статью студента Дзюбека «Долой дальтон-план»,

³³Krekola J. Stalinism in lyhyt kurssi. S. 65.

³⁴Хуторской А.В. Дальтон-план Елены Паркхерст и другие зарубежные системы обучения // Народное образование. 2012. №8. С. 220.

³⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 33.

пишет: «Вы готовитесь быть организатором, строителем новой жизни. Вы будете строить в обстановке, непрерывно меняющейся, выдвигающей новые и новые задачи... Вы должны уметь изучать явления, критически оценивать мнения и предложения. Для этого вы должны усвоить метод марксизма-ленинизма. А метод нельзя усвоить с чужих слов, его нельзя «вливать в голову». Надо учиться его применять»³⁶. Обоснованность и своевременность введения «дальтон-плана» руководством университета никогда не ставились под сомнение.

Ещё до начала внедрения «дальтон-плана» в образовательный процесс, в ЛОКУНМЗ широко практиковалось обучение вне стен университета. Для этого существовал специальный экскурсионный подотдел. Лишь за второй триместр 1923/24 учебного года подотделом было организовано 70 экскурсий³⁷. Например, по предмету «Природа» для студентов проводили экскурсии на темы «Жизнь животных в связи с окружающей природой» (Зоологический музей), «Мироведение. Астрономические инструменты» (Обсерватория), «Минералы и полезные ископаемые» (Горный музей). Во время экскурсий по физике и химии студенты параллельно изучали городскую промышленность – с темой «Паровые двигатели» они знакомились на заводе «Рено», с темой «Кислоты» на Тентелевском химическом заводе и т.д. Экскурсии по истории культуры проходили в Эрмитаже³⁸.

Взаимоотношения между финским и эстонскими секторами университета были далеки от идеальных. В октябре 1929 г. Секретариат обкома ВКП (б) даже вынес специальную резолюцию, в которой указывалось на наличие элементов национальной обособленности внутри ЛОКУНМЗ, что объяснялось плохой постановкой интернационального воспитания студентов³⁹. Свидетельством давнего существования этой замкнутости может быть то, что наряду с русско- и эстоноязычной стенгазетой «Западник» финнами выпускалась собственная финноязычная стенгазета «Локакуу» («Октябрь»)⁴⁰. Внутри университета действовали как интернациональные, так и отдельные национальные кружки. Например, был интернациональный кружок журналистики, но были и самостоятельные

³⁶Фрумкина М. Ответ тов. Дзюбеку // «Красный западник». 1925. №2 (26). С. 23.

³⁷ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2465. Л. 22.

³⁸Там же. Л. 30.

³⁹Смирнова Т. М. Национальность – питерские. С. 210.

⁴⁰Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi. S. 70.

эстонский и финский кружки журналистики, наряду с интернациональным хором существовали эстонский и финский хоры и т.д.

Языковые проблемы затрудняли проведение совместных праздников и вечеров. Обычно общие собрания проходили одновременно на финском и русском языке, которые эстонцы чаще всего могли понимать. Тем не менее, в университете обучалось много студентов, которые владели лишь одним языком. Предпринимались попытки проведения совместных мероприятий параллельно на русском, финском и эстонском языках. Однако это настолько затягивало выступления, что танцы, которых только и ждали студенты, часто отменялись в пользу официальной части⁴¹.

Учащиеся ЛОКУНМЗ, увлекающиеся спортом, имели право вступить в спортивное общество «Красная звезда», организованное при Интернациональной военной школе. Эта школа располагалась на Кадетской линии Васильевского острова, и в ней было несколько национальных отделений, в том числе финское и эстонское. Курсанты военной школы с некоторым пренебрежением окрестили ЛОКУНМЗ «зоопарком». Но в университете училось много студенток-девушек, которых курсанты с удовольствием приглашали на танцевальные вечера – в Интернациональной военной школе имелся собственный духовой оркестр из двенадцати человек⁴².

Среди студентов начального периода существования ЛОКУНМЗ можно выделить Тьюне Токой. Её отец, Оскари Токой (1873–1963), был депутатом финляндского парламента от социал-демократической партии с 1907 по 1918 гг. С 1913 по 1914 гг. О. Токой занимал пост спикера в парламенте Финляндии, с марта по сентябрь 1917 г. – пост вице-председателя финляндского Сената (первое в мире правительство, в котором преобладали социалисты⁴³). Во время гражданской войны в Финляндии Оскари Токой был членом «красного правительства» – Совета народных уполномоченных (СНУ), в котором отвечал за продовольственные вопросы. После поражения красных О. Токой бежал в Советскую Россию, где его вскоре избрали членом специального комитета, занимавшегося делами финских беженцев. Часть беженцев оказалась на территории Беломорской Карелии и Кольского полуострова. Оскари Токой участвовал в формировании из них так называемого «Мурманского легиона» – воинского

⁴¹Ibid. S. 70–71.

⁴²Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992. S. 108.

⁴³Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: «Весь Мир», 2010. С. 121.

формирования, которое должно было, с молчаливого согласия советского правительства и под руководством командования британских экспедиционных сил, защищать Мурманскую железную дорогу от возможной угрозы со стороны немцев и белофиннов⁴⁴. Англичане обеспечили «легион» всем необходимым. Однако по мере обострения отношений между Советской Россией и державами Антанты среди руководителей красных финнов наметился раскол. Вокруг О. Токоя образовалась оппозиционная группа. В августе 1918 г. в Архангельске группа Токоя создала Комитет финских трудящихся. Комитет обратился к финским беженцам с воззванием, в котором призвал всех их объединиться вокруг англичан для борьбы с белофиннами и немцами, направил приветствие представителям союзных держав и архангельскому правительству Н.В. Чайковского. Руководство Коммунистической партии Финляндии (КПФ) объявило Оскари Токоя изменником⁴⁵. Позже, в 1921 г., О. Токою удалось через Англию и Канаду уехать в США – страну, где он прежде жил с 1891 по 1900 гг.

Большая семья Оскари Токоя некоторое время оставалась в Советской России. Жена Ханна с тремя младшими детьми осенью 1921 г. вернулась в Хельсинки, оттуда в 1924 г. они также отправились в США. В России остались старшие дети Оскари – дочь Тююне и сын Нестор. Судя по всему, это был их собственный выбор. Отметим, что Тююне осенью 1921 г. было уже 18 лет.

В своей автобиографии, написанной в 1935 г., Тююне Токой сообщает, что она прибыла в Советскую Россию вместе с матерью и младшей сестрой в апреле 1918 г. Сперва они оказались в Петрограде, потом Ханна отвезла дочерей в специально организованный для финских беженцев лагерь в городе Буй Вологодской губернии. Затем они отправились в Москву, где в это время находился Оскари Токой. В сентябре 1918 г. Ханна вместе с детьми уехала в город Пермь, в район которого в это время направлялись многие финские беженцы – около села Верещагино Пермской губернии тогда создавалась финская земледельческая коммуна. В Перми Нестор Токой вступил в ряды Красной Армии. Когда город оказался под угрозой захвата белыми, Тююне вместе с родственниками пришлось бежать. В январе 1919 г. она снова оказалась в Петрограде⁴⁶.

⁴⁴Мусаев В.И. Мурманский легион в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. №7. С. 18.

⁴⁵Там же. С. 20–21.

⁴⁶“Kallis toveri Stalin!” Komintern ja Suomi. Edita, 2002. S. 335.

В феврале 1919 г. Тююне Токой взяли машинисткой-стажером в находившийся в Петрограде агитационный отдел КПФ. Затем в этом же отделе она занималась упаковкой и распространением литературы. В конце 1920 г. агитационный отдел КПФ ликвидировали, Тююне перевели на работу Центральное бюро финских организаций РКП (б). Там она трудилась машинисткой до февраля 1922 г., когда была командирована Центральным бюро на обучение в только что организованную высшую финскую партийную школу, которая несколько месяцев спустя стала финским сектором петроградского филиала КУНМЗ⁴⁷.

В 1923–1924 гг. в коммунистических университетах страны проходила серьёзная проверка качественного состава студентов⁴⁸. Не избежали чистки и студенты ЛОКУНМЗ. Сохранился протокол закрытого собрания членов и кандидатов в члены РКП (б) второго курса Финсектора от 9 мая 1924 г. На это собрании происходила персональная критика каждого участника в форме обсуждения личных характеристик. Позволим себе привести здесь фрагмент утверждения характеристики студентки Тююне Токой:

«Токой/ Тююне.

Активная.

Энергичная.

Имеет пролетарскую психологию.

Тов. Маркканен, Онни предложил, чтобы т. Токой сделала бы краткое объяснение об отношениях ея с отцом, который вождь социал-демократов. Сопrotивлялись такому предложению, потому что тов. Токой, Т. называется имеющей коммунистическое мировоззрение. Вопрос поставлен на голосование, и результатом которого большинством 12 голосов против 7 предложили т. Токой объяснить свое состояние к отцу с полит-точки зрения.

Тов. Т. Токой ответила на вопрос, что не имела никакой политической переписки с отцом, а объяснила, что находится с бюро Р.К.П. Финсекций одного мнения и осуждает действие отца⁴⁹.

Примечательно, что отца Тююне в этом документе называют вождём социал-демократов, кем он в 1924 г. никак не мог являться. В Финляндии лидером обновленной социал-демократической партии был Вяйнё Таннер. Однако «грех», который совершил Оскари Токой находясь в России,

⁴⁷”Kallis toveri Stalin!”. S. 335–336.

⁴⁸Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 47.

⁴⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

в чём-то сближал этих двух политиков – ведь в своих воззваниях Токой предложил финской буржуазии классовый мир⁵⁰.

Как ни странно, обстоятельства происхождения не помешали Тююне Токой окончить полный университетский курс в 1925 г. В своей автобиографии, написанной через десять лет после выпуска, Т. Токой сообщает, что после университета её направили на работу в Карелию, в Ухтинский уезд, где она была заведующей отделом агитации и пропаганды уездного комитета ВЛКСМ до октября 1927 г. Следующим местом работы Тююне стало финское общество, которое находилось в Ленинграде и занималось подготовкой и изданием книг по истории финской революции (Suomen Vallankumousliikkeen Tutkijakunta). В 1931 г. Тююне Токой назначили главой ленинградского отделения Российского бюро ЦК КПФ⁵¹. Центральный комитет партии состоял из двух частей (бюро), находившихся в Москве и Хельсинки, при этом Росбюро имело ещё отделения в Ленинграде и Петрозаводске. Ленинградское отделение курировало финский сектор ЛОКУНМЗ, предоставляя, например, актуальную информацию о рабочем движении в Финляндии. Кроме того, под его началом находилось государственное издательство «Kirja», а также газета «Varaus» и официальный теоретический орган КПФ – журнал «Kommunisti»⁵². В сфере ответственности ленинградского отделения была, возможно, и организация маршрутов для нелегального перехода финляндской границы. Всё это говорит о большой политической роли руководителя отделения.

Не вполне ясно, по какой причине Т. Токой отстранили от руководства ленинградским отделением ЦК КПФ в 1936 г. В «Книге памяти финнов» последним местом работы Тююне указана ленинградская Публичная библиотека. Т. Токой арестовали 8 августа 1937 г., 10 ноября того же года комиссия НКВД и Прокуратуры СССР по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж) приговорила её к высшей мере наказания. 15 ноября 1937 г. Тююне Токой расстреляли⁵³.

⁵⁰Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Ленинград: Лениздат, 1969. С. 110.

⁵¹”Kallis toveri Stalin!”. S. 336.

⁵²Yütto A. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб.: «Гйоль», 2017. С. 197.

⁵³Токой Тюне Оскаровна (1903). URL: [https://ru.openlist.wiki/Токой_Тюне_Оскаровна_\(1903\)](https://ru.openlist.wiki/Токой_Тюне_Оскаровна_(1903)) (дата обращения: 15.02.2019).

В 1922–1923 гг. и 1927 г. проректором петроградского филиала КУНМЗ был известный деятель финского и международного революционно-го движения Юрьё Сирола (1876–1936). Во время гражданской войны в Финляндии Сирола, так же как и Оскари Токой, входил в состав СНУ, где отвечал за международную политику. На учредительном съезде КПФ в августе 1918 г. его избрали членом ЦК. С июля 1921 г. по август 1922 г. Ю. Сирола являлся членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Он получил образование в Гельсингфорсском университете, владел несколькими иностранными языками – русским, шведским, немецким и английским. В промежутке между командировками в Швецию и Америку, в 1924/25 учебном году Сирола читал студентам лекции по экономике и историческому материализму. Что же касается рядовых преподавателей, то о них информации крайне мало. Известно, что среди первых преподавателей были, например, финский краском Никодемус Тёрмяля (руководил до этого высшей финской партийной школой) и активистка финляндского женского движения Аура Киискинен. Занятия по математике вёл брат Тююне Токой, Нестор.

Характерно, что руководителями ЛОКУМЗ чаще всего назначались финны. Когда Ю. Сирола отправили в заграничную командировку, его на посту проректора ненадолго сменил бывший когда-то связным у В.И. Ленина Юхо Латукка (умер 28 декабря 1925 г.). С 1925 по 1927 гг. проректором работал Лео Лаукки (1880–1937), член ЦК КПФ в 1921–1925 гг. Лаукки сместили в результате борьбы между «русской» (братья Рахья и их сторонники) и «финской» (К. Маннер, Ю. Сирола) группировками в ЦК КПФ. Вот как деятельность Л. Лаукки оценивал Кулерво Маннер: «Благодаря этому назначению в руки руководимой Рахья и Лаукки оппозиции были отданы финские слушатели университета, из которых большинство является членами нашей партии и которых предполагается в свое время командировать обратно в Финляндию на конспиративную партработу. <...> В комуниверситете воспитывается разлагающий дух и разлагающие элементы. Оппозиция стремится теперь продвинуться на более широкий фронт, после того как её прежние приемы оказались неудачными, и её покровитель тов. Зиновьев бессилён»⁵⁴. Архивные документы подтверждают, что опасения по поводу возможности зарождения

⁵⁴Письмо К. Маннера в Малую комиссию Секретариата ИККИ относительно назначения Ю. Сирола проректором Ленинградского отделения КУМЗ (26 декабря 1926 г., Москва) // Коминтерн и Финляндия. 1919-1943: [Сб. документов]. М.: «Наука», 2003. С. 140.

оппозиционных настроений среди студентов ЛОКУНМЗ не были лишены оснований.

Например, уже в 1923 г. в жизни эстонского сектора произошло событие, потребовавшее вмешательства высших партийных инстанций Петрограда. Студенты подали проректору и учебному совету университета коллективный протест, требуя восстановить исключенного за недисциплинированное поведение из числа студентов Г. Ранца, угрожая в противном случае покинуть университет вместе с ним. Под протестом подписались 67 человек. В результате из университета отчислили не только Ранца, но и ещё восемь беспартийных студентов, а дела семи студентов-членов партии передали районной конфликтной комиссии. Также временно распустили кружок эсперанто, члены которого являлись основными зачинщиками демарша⁵⁵.

Руководство РКП (б) считало, что чисто теоретическая подготовка студентов комвузов в отрыве от производственной и массовой работы может создать условия, «порождающие среди них чуждые пролетарской идеологии настроения и уклоны и податливость влиянию мелкобуржуазной стихии»⁵⁶. Поэтому большое внимание уделялось организации производственной практики, которая была неотъемлемой частью учебной программы в комуниверситетах. В уставе КУНМЗ указаны основные цели практики: «всестороннее изучение студентами форм и методов партийной работы на предприятиях и в деревне», «развитие у будущих квалифицированных партработников навыков практической общественно-политической, в первую очередь, партийной работы», «постоянное общение студенчества с массами и увязка их теоретической учебы с повседневным опытом социалистического строительства»⁵⁷. Практическая работа подразделялась на два вида – на проводившуюся в течение учебного года (городскую) и каникулярную (деревенскую).

По первой послереволюционной переписи, которая состоялась в Петрограде 28 августа 1920 г., из 722 тыс. человек населения города около 17% составляли представители нерусских национальностей, из них около 2% были эстонцами и около 1% финнами. Но уже в Петроградской губернии ситуация сильно отличалась – там в 1920 г. из 888 тыс. человек

⁵⁵ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2675. Л. 10–10 об.

⁵⁶Тринадцатый съезд РКП (б) (май 1924 года): Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 662.

⁵⁷Панин Е.В. Роль производственной практики... С. 7.

населения 11,5 % составляли финны-ингерманландцы и 5% эстонцы⁵⁸. Поэтому значение летней деревенской практики, когда студенты могли работать в естественной для них языковой среде, было выше.

Городская практика представляла собой партийную работу на фабриках и заводах Ленинграда. Она включала в себя не только организационную, пропагандистскую, исследовательскую деятельность, но и физический труд (отметим, что часто принимающая сторона формально подходила к использованию студентов на производстве). В период городской практики осуществлялась также политико-просветительская работа среди соответствующих национальных меньшинств Ленинграда – например, по линии национальной печати.

Деревенская практика была двух видов – национальная и русская (проводились, соответственно, в национальных или русских деревнях). Вызывает удивление обширная география поездок студентов-практикантов ЛОКУНМЗ по стране: Лемболово, Белоостров, Петрозаводск, Ухта, Мурманск, Тверская губерния, Алтайская губерния, Батум, Донская область, Симбирск и т.д.⁵⁹ Местные условия подчас были довольно суровыми. В отчёте о работе ЛОКУНМЗ за второй триместр 1924/25 учебного года отмечается: «Из произведенных в прошлом году наблюдений после прибытия с летней практической работы выяснилось, что студенты, находившиеся на практической работе, все почти сильно упали в весе... Отпущенных в прошлом году средств – было недостаточно при индивидуальной жизни, когда студентам часто приходилось ездить с места на место, а местные организации никакой материальной помощи не оказывали»⁶⁰.

Основные задачи практикантов в деревне – разъяснение на местах текущей политики партии и участие в различных мероприятиях советской власти. В 1923 г. перед отправкой студентов ЛОКУНМЗ на практику для них прочитали доклады «Культурная работа в деревне», «Задачи партии и советской власти в деревне», «Партстроительство», «Гражданский кодекс», «Землеустройство», «Кооперация и единый сельскохозяйственный налог» и др.⁶¹ Студенты прикреплялись к местным партийным организациям и использовались в качестве лекторов и кружководов. Они вели комсомольскую и пионерскую работу, занимались созданием изб-

⁵⁸Смирнова Т. М. Национальность – питерские. С. 64, 67–68.

⁵⁹ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2679. Л. 2–4.

⁶⁰ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11.

⁶¹Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров... С. 165.

читален, яслей, спортплощадок, выпуском стенгазет на национальных языках. В области сельского хозяйства в задачи практикантов входило проведение с крестьянами занятий по землеустройству, оказание агрономической помощи. Другой важной составляющей летней практики являлась исследовательская деятельность – студенты собирали сведения об уровне экономического и политического развития национальных районов, о степени социального расслоения деревни, об отношении населения к советской власти⁶².

Таким образом, рассмотрев историю начального периода существования ЛОКУНМЗ, можно сделать вывод о противоречивых результатах деятельности университета. Государство, несмотря на послевоенную разруху в стране, изыскивало средства на финансирование вуза. Однако сказать, что удалось обеспечить безбедное существование студентов, позволявшее им целиком сосредоточиться на учебе, нельзя. Кроме непростых материально-бытовых условий жизни, причиной большого отсева студентов в 1920-е гг. были низкий образовательный уровень поступавших, проблемы с адаптацией в иной культурной среде, а также партийные чистки. Хотя не всем студентам удалось благополучно завершить обучение, университет, безусловно, сыграл определенную положительную роль в поднятии образовательного и культурного уровня советских нацменьшинств. Выпускники направлялись на партийную, комсомольскую, профсоюзную, политико-просветительскую, педагогическую, хозяйственную и кооперативную работу в северо-западные области страны и были там крайне востребованы. Сложнее оценить, насколько университет в тот момент справлялся со своими «внешнеполитическими» задачами. В юбилейном сборнике ЛОКУНМЗ студенты-политэмигранты характеризуются как люди, болезненно реагирующие на малейшие недостатки и неудачи советской власти, что объясняется изначально завышенными ожиданиями и слабым владением марксистско-ленинской теорией⁶³. Показательно, что эта категория студентов хуже остальных владела русским языком, так как, не желая связывать судьбу с Россией, видела полем своей будущей деятельности исключительно родную страну.

⁶²Панин Е.В. Роль производственной практики... С. 9–10.

⁶³Мянниксон К. Партвоспитательная работа в Локунмз'е // Пять лет ленинской учебы: Юбилейный сборник (1922–1927). С. 31–32.

ЛИТЕРАТУРА

Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного населения Крыма: в 4 т. Т. 3. Симферополь, 2014. 879 с.

Деннингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.). Москва: РОССПЭН, 2011. 727 с.

Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. Москва: РОССПЭН, 2000. 352 с.

Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Ленинград: Лениздат, 1969. 224 с.

Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. (1921-1925 гг.). Москва: Издательство Московского университета, 1972. 181 с.

Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. №2. С. 133–148.

Мусаев В.И. Мурманский легион в 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. №7. С. 18–23.

Панин Е.В., Харламова Т.И. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в Советской России: 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (21). С. 153–155.

Панин Е. В. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920-1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. №3. С. 165–168.

Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2013. №2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/332> (дата обращения: 15.02.2019).

Смирнова Т.М. Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда-Ленинграда в 1917-1938 годах // Русская культура вне границ. Вып.3. Москва, 1996. С. 34–40.

Смирнова Т.М. Из истории ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) // История вузов России. Санкт-Петербург, 1997. С. 106–109.

Смирнова Т. М. Национальность – питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. Санкт-Петербург: «Сударыня», 2002. 582 с.

Yitto A. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. Санкт-Петербург: «Гйоль», 2017. 388 с.

Хуторской А.В. Дальтон-план Елены Паркхерст и другие зарубежные системы обучения // Народное образование. 2012. №8. С. 220–229.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809-2009. Москва: «Весь Мир», 2010. 472 с.

Krekola J. Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. 445 s.

Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992. 468 s.

REFERENCES

Denninghaus V. *V teni «Bol'shogo Brata»: Zapadnye nacional'nye men'shinstva v SSSR (1917-1938 gg.)* [In the shadow of the «Big Brother»: Western national minorities in the USSR (1917-1938)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 727 p. (In Russian)

Hutorskoj A.V. *Dal'ton-plan Eleny Parkherst i drugie zarubezhnye sistemy obuchenija* [Helen Parkhurst Dalton Plan and other foreign teaching systems], in *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. 2012. №8. P. 220–229. (In Russian)

Jussila O., Hentilja S., Nevakivi J. *Politicheskaja istorija Finljandii 1809-2009* [Finnish political history 1809-2009]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2010. 472 p. (In Russian)

Koronen M.M. *Finskie internacionalisty v bor'be za vlast' Sovetov* [Finnish internationalists in the struggle for Soviet power]. Leningrad: Izdatel'stvo Lenizdat Publ., 1969. 224 p. (In Russian)

Krekola J. *Stalinismin lyhyt kurssi: suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2006. 445 s.

Leonova L.S. *Iz istorii podgotovki partijnyh kadrov v sovetsko-partijnyh shkolah i kommunisticheskikh universitetah. (1921-1925 gg.)* [From the history of training of the party staff in the Soviet party schools and communist universities. (1921-1925)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 181 p. (In Russian)

Miller A. *Rusifikacii: klassificirovat' i ponjat'* [Russification: classify and understand], in *Ab Imperio*. 2002. №2. P. 133–148. (In Russian)

Musaev V.I. *Murmanskij legion v 1918–1920 gg.* [Murmansk Legion in 1918–1920], in *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History magazine]. 2011. №7. P. 18–23. (In Russian)

Panin E. V. *Material'no-bytovye uslovija zhizni studenchestva internacional'nyh i nacional'nyh kommunisticheskikh universitetov Sovetskoj Rossii (1920-1930-e gg.)* [The everyday living conditions of students of international and national communist universities]

of Soviet Russia (1920-1930s)], in *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]*. 2012. №3. P. 165–168. (In Russian)

Panin E.V. *Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada) [The role of the internship in students of communist universities teaching in the 1920s]*, in *Vestnik MGOU [Bulletin of MGOU]*. 2013. №2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/332> (15.02.2019). (In Russian)

Panin E.V., Harlamova T.I. *Kommunisticheskie universitety dlja nacional'nyh men'shinstv v Sovetskoj Rossii: 1920-1930-e gg. [Communist Universities for National Minorities in Soviet Russia: 1920s – 1930s]*, in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues]*. 2012. №7 (21). P. 153–155. (In Russian)

Salomaa M. *Punaupseerit*. Juva, 1992. 468 s.

Smirnova T.M. *Kul'turnoe stroitel'stvo sredi nacional'nyh men'shinstv Petrograda-Leningrada v 1917-1938 godah [Cultural construction among the national minorities of Petrograd-Leningrad in 1917-1938]*, in *Russkaja kul'tura vne granic [Russian culture beyond borders]*. 1996. №3. P. 34–40. (In Russian)

Smirnova T.M. *Iz istorii leningradskogo otdelenija Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada (LOKUNMZ) [From the history of the Leningrad department of the Communist University of the Western National Minorities (LOCUNMZ)]*, in *Istorija vuzov Rossii [History of Russian universities]*. Saint Petersburg, 1997. P. 106–109. (In Russian)

Smirnova T. M. *Nacional'nost' – piterskie: Nacional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoj oblasti v XX veke [National minorities of St. Petersburg and the Leningrad region in the twentieth century]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sudarynja Publ., 2002. 582 p. (In Russian)

Ujto A. «*Finnoed*» Otto Ville Kuusinen [«*Finnoed*» Otto Ville Kuusinen]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gjol' Publ., 2017. 388 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. *Istorija krymskikh tatar: ocherki jetmicheskoi istorii korennoho naselenija Kryma: v 4 t. T. 3. [The history of the Crimean Tatars: essays on the ethnic history of the indigenous population of Crimea]*. Simferopol, 2014. 876 p. (In Russian)

Zhuravlev S.V. «*Malen'kie ljudi*» i «*bol'shaja istorija*»: *Inostrancy moskovskogo Jelektrozavoda v sovetskom obshhestve 1920-h – 1930-h gg. [«Little People» and «Big Story»: Foreigners of the Moscow Electrozavod in Soviet society of the 1920s - 1930s]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 352 p. (In Russian)